

Беллетр.
произв.

БЛИОТЕКА
ЮНОГО ПИОНЕРА

АКТАН | ГИЛЬГЕНДОРФ |

БЕЛАЯ ШАХТА



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

✓ А43тБ А

26

Др. 1909

30/5?

Д.Ч. 21580.

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА

НА ДОМ

НЕ ВЫДАЕТ

Г. А. АКТАН (Гильгендорф)

A-43

БЕЛАЯ ШАХТА

ЭКСКУРСИЯ НА СОЛЯНОЙ
РУДНИК В ДОНБАССЕ

С РИСУНКАМИ

445-9
12582
Каталог

ДЕТСКИЙ ФОНД

Т(Б)
А. 43 Г Б

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
Москва 1926 Ленинград

ср и ст

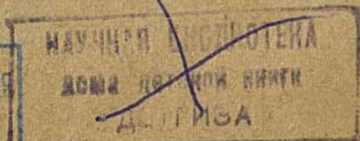
Отпечатано в типографии изд-ства „Молодая Гвардия“, Ленинград, В. О., 5-я линия, д. 28, в количестве 10.000 экз. Ленинградский Гублит № 7.408



18247

672552 КХ-рег

Российская государственная
детская библиотека



1. В ДОНБАСС

Поезд бежит на юг. Через двадцать четыре часа после отъезда из Москвы мы оставили позади себя Харьков, а к часу ночи проедем тысячу и сто верст.

— Ребята, приехали!..—кричит один из пионеров. Мы быстро соскакиваем с полков и протираем слипающиеся глаза.

— Уже стоит?

— Ну да, остановился, но только еще не Соль.

— Зачем же ты нас разбудил?

— Надо собираться сейчас, на следующей вылезать.

Загудел паровоз и дернул вперед. Еще минут двадцать или полчаса стучат колеса. Из окон видны какие-то силуэты холмов, а за ними все погружено в непролазную темь. Но вот и Соль. Наки-

нув за спину свои дорожные мешки, мы гурьбой вылезаем на платформу.

Тьма. Горит одинокий фонарь.

— Ну и Со-оль... Дыра какая-то, — ворчит Катюшка сонным голосом. Нас всех охватывает холодным порывом налетевший шквал ветра. Раздается свисток, и поезд уходит. Ребята, разминая ноги, толкуются на платформе. Кругом стелется ночь.

— Ну, пошли, что ли, — предлагаю я двигаться.

— Куда же мы пойдем в такую темь! — пытается протестовать Вовка, но остальные дружно гудят: — Пошли!..

Нас пять человек: две девочки и три мальчика, если считать меня. Мы пробирались сюда, в Донбасс, за тысячу верст, чтобы посмотреть на добычу каменной соли, познакомиться с работой шахт и поесть «кавунов». Хотя теперь уже осень, у нас ученье еще не начиналось; проезд достали бесплатный — вот и поехали.

Я подхожу к дежурному по станции и спрашиваю дорогу.

— Пошли!..—и, захрустев гравием по платформе, мы двигаемся на огонек стрелочного фонаря. Ветер страшный. Дует прямо в лицо. Ребята продрогли и идут быстро. Каждый хочет согреться.

— Зачем ты спрашивал дорогу? Ведь у нас план есть, — обращается ко мне Катюшка.

Нам в Москве дали подробный план, как пройти три версты до первого рудника, Велички, и найти школу. Все ребята хорошо знают план, но здесь по дороге все кажется по-другому.

Молча мы идем по полю. Ветер временами так силен, что останавливает и не дает двигаться вперед. Валя хохочет, ей страшно нравится ветер.

Через полтора часа блужданий мы видим вдали силуэты зданий и труб. Подходим ближе, различаем постройки рудника. Это Величкинский рудник.

В три часа ночи, усталые, подходим к крыльцу школы. Стучим долго.

— Славка, соня, — толкает Валя прикурнувшего приятеля.

— Кто там?—раздается сонный голос за дверью.

— Это из Москвы, мы приехали на экскурсию. Вы письмо наше получили?— происходит разговор через дверь.

— А! Входите, входите.

Звякают запоры, ворчит собачонка, и мы вваливаемся в темную переднюю, сопровождаемые ветром, ворвавшимся через наши головы. Возня, шум... И наконец мы засыпаем. Пахнет особым пахом старого дома.

Завтра посмотрим шахту.

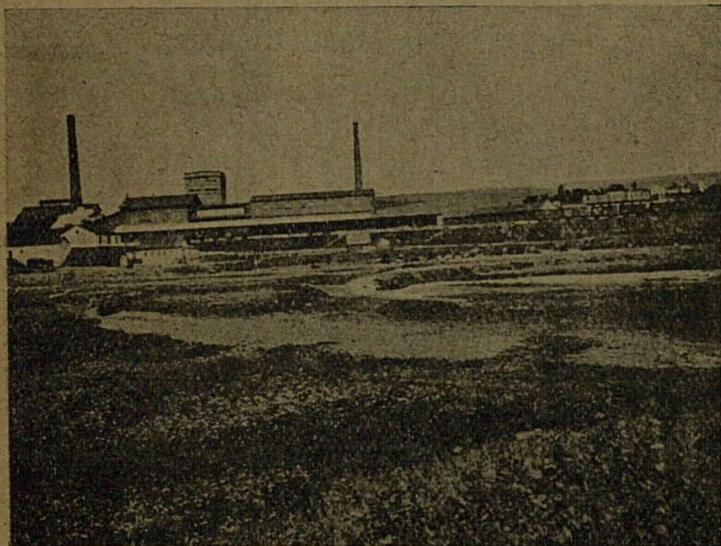
2. В СОЛИ

С утра хохот. Проснулись рано, не смотря на то, что легли в четыре. Внизу, под полом, слышны какие-то удары. Входит учительница, очень славная, пожилая. Ребята шепчутся. Я слышу. «как ее имя?» Она тоже услышала и отвечает сама: «Софья Анатольевна». Валька смущена, но сейчас же своим звонким голосом спрашивает.

— Софья Анатольевна, скажите: что за удары слышны под полом?

— Это взрывы в шахте, как-раз под нами.

У ребят расширяются зрачки.



Общий вид Брянцевского соляного рудника

— Взрывы? — переспрашивает Катышка.

— Да, под нами на глубине шестидесяти саженей рвут соль. Вот вы после чаю пойдите в шахту, тогда увидите.

Это сообщение не дает покоя ребятам. Наспех одеваются, моются, пьют чай и выбегают на улицу. Ветер не стихает. По небу несутся серые клокастые облака. Шумят гнущиеся деревья.

Прямо перед домом начинается и уходит на десятки верст степь. Холмы и поляны, овраги, и ни деревьев, ни кустов,—только сухая высушенная трава. Катюшка бежит на холмы и возвращается с пучком какой-то сочной, с красными шишечками травы. Я зову ребят и показываю им растение.—Это солончаковое растение, такое может расти только в местах, где в земле есть соль. Видите, какое оно сочное и местами как-будто из мокрой соли. Это так называемые галофиты, по ним обычно и определяются соляные районы. Там, где растут такие виды, производят изыскания и находят на глубине соль.

— Ну, пойдемте на рудник!—зову я ребят. Мы идем по дороге мимо жидкого сада, когда-то бывшего густым; это видно по многочисленным пням. Поднимаемся на горку и подходим к руднику.

Это Брянцевский рудник, теперь называющийся 1-й Либкнехтовский.

Я захожу в контору и прошу разрешения и помощи для проведения экскурсии. Мне рекомендуют технического руководителя работами — технорука. Мы выходим с ним на двор, где ребята уже зарисовали общий вид строений рудника.

— Вот, познакомьтесь, это наши экскурсанты, — представляю я ребят техноруку. Ребята здороваются, и мы начинаем осматривать рудник.

3. КАК ДОБЫВАЮТ СОЛЬ

— Для того, чтобы кушать за обедом соль, — начал свою беседу технорук, — нам надо проделать следующее. Первое, спуститься под землю до залежей каменной соли; второе, отколоть от пласта глыбы; третье, поднять их на поверхность земли; четвертое, размолоть их, и пятое, погрузить размолотую соль в вагоны для перевозки.

Чтобы можно было выполнить все это, тут построен ряд зданий с машинами.

Вон, вы видите здание около трубы: там котельная, которая вырабатывает пар для машин и моторов, дающих нам необходимую двигательную силу, электрическую энергию, а также и свет. Пар по трубам через двор поступает в здание над стволом¹ шахты и здесь двигает два больших поршня, вертящих огромные барабаны. На эти барабаны наматывается стальной трос—канат, поднимающий и опускающий кабинки подъемной машины.

Второй этаж подъемника соединен коридором с мельницей. По коридору соль в вагончиках перевозится на мельницу. Там она мелется, сортируется и насыпается в вагоны. Все это вы увидите после.

Теперь для вас ясно, что это за строения. Ну, конечно, тут же мастерския для ремонта и склады инструментов, одежды и других принадлежностей, необходимых для работ в шахтах. Теперь пойдемте, спустимся в шахту.

Мы входим по лестнице на второй этаж башни и приближаемся к подъем-

¹ Ствол—глубокий колодец, уходящий под землю и соединяющийся с коридорами шахты.

нику. Многие читатели, наверное, представят себе лифт, который можно видеть в больших домах в Москве, Ленинграде и других городах.

Тот подъемник, в который мы вошли, ничем не напоминал лифта, разве только сетками вокруг него. Это была маленькая железная площадка, открытая со всех сторон. Нас поместилось на ней четверо: трое пионеров и один рабочий; сбоку опустили железный брус, который служил нам перилами. Остальные должны были спускаться в другой кабине.

— Уберите руки от края, — говорит нам рабочий.

В это время звякает звонок, и мы начинаем опускаться. Мелькнул свет от окон первого этажа, и кругом наступила тьма. Кабинка шуршит об рельсы, пол уходит из-под ног. Мы так быстро спускались, что захватывало дух. Девочки вцепились в мою руку.

Спуск продолжался очень недолго, а нам показалось, что прошел час. Глаза устали от темноты.

Но вот внизу заблестел свет. Кабинка замедляет ход, приостанавливается, потом снова медленно двигается вниз и, стукнувшись об пол, останавливается окончательно.

4. В ШАХТЕ

Мы были на глубине 57 саженей от поверхности. За нами вслед спустились остальные. Нерешительно мы выходим из кабинки, осматриваемся. Нас окружают темные, мрачные своды галлерей, выбитых прямо в толще соляного пласта. Каменная соль так крепка, что не требует подпорок, как в угольных коях.

Тут в шахте устройство подъемника совсем простое. Из досок сколочены клетки, оканчивающие ствол. Сигнализация допотопная; здесь, думается, не знают, что существуют электрические сигнализаторы. Когда надо сообщить наверх, на поверхность земли, машине, чтобы поднимали соль или людей, то стоящий у ствола рабочий дергает за деревянную палку-рычаг, который

через проволоку передает движение. Раз дернул — идет груз, два раза — люди, и так далее. Просто...

Соль идет со скоростью 6 метров в секунду. Для людей такая скорость опасна, и они поднимаются со скоростью лишь 3-х метров в секунду. Так же со спуском. В машинном отделении нужно непременно знать, что поднимается — груз, люди или идет пустая кабинка, — чтобы машинист мог регулировать скорость.

— Пойдемте в завком, мне некогда, там вам дадут проводника, — говорит нам технорук.

Мы гуськом пролезаем в узкий проход между досками, отгораживающими ствол подъемной машины от соляной стены.

Полутьма. Коридоры или, как их тут называют, галереи, шириной с нашу улицу, расползались по разным направлениям. Горят электрические лампочки на столбах, но их желтый свет слишком слаб, чтоб осветить громадные галереи. Потолок где-то высоко тонет в темноте.

— Какая тут высота? — обращается к техноруку Слава.

— Пятнадцать саженей.

Ребята молча озираются по сторонам. По середине галлерей идет полотно узкоколейки.

Мы проходим одну галлерею, поворачиваем в сторону и впереди, сквозь щели досок, видим пробивающийся свет.

Здесь потолок ниже, и галлерею преграждает деревянная стена.

Технорук отворяет дверь и предлагает нам войти. Входим в завком. Он помещается в комнате, высеченной в соли. Стоят столы, скамейки, на стенах выбит из соли же рисунок, похожий на отделку мраморных досок. Завком соединен с шахтой телефоном.

— Ну, вот, друзья, знакомьтесь! Товарищ Нестеренко; это пионеры из Москвы, — представляет нас технорук.

— Что ж, отлично. Приехали познакомиться с нашим производством, вернее, с добычей? Ладно. Надо им дать провожатого, я сейчас занят. Товарищ

Котов, пойдите проводите товарищей на взрывы.

Мы знакомимся с нашим новым проводником и следом за ним возвращаемся снова к подъемнику, проходим его и направляемся к месту разработок.

Идем по черному соляному песку. Тишина. Гулко отдаются наши шаги. Навстречу нам катятся вагончики с солью. Их везет лошадь. Вдруг резкий звук рожка пререзает тишину. Откуда-то раздается ответный гудок.

Наш проводник тов. Котов объясняет, что это вагончики дают сигналы, чтоб их ждали на разъездах. Узкоколейка проложена только в одну колею, и встречные поезда должны встречаться на разъездах.

Вот поезд равняется с нами, мы отходим к стене, и мимо пробегает крепкая лошадь, а за нею громяхают три вагончика, доверху наполненные глыбами соли. На переднем сидит вагонщик и управляет лошадью. Он и трубит.

— А что, лошади здесь слепые? — спрашивает Катюшка у тов. Котова.

— Нет, это в угольных шахтах лошади слепнут, а у нас все зрячие. Здесь и воздуха много и светлее, чем в угле. Наши лошади в шахте поправляются. Мы берем худых, слабых лошадей с земли, а через несколько месяцев они здесь толстеют. Пища им хорошая дается и помногу. Вот обратно пойдем, зайдем в конюшню.

От той галлерей, по которой мы идем, через равные промежутки видны боковые ходы.

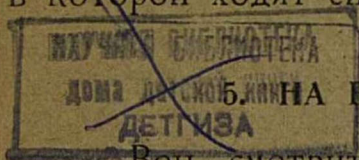
— Это куда ходы? — спрашивают ребята проводника.

— В них мы добываем соль. Вот сейчас мы подойдем к такому же ходу, в котором еще идет работа. Называются они штреками.

Мы подходим к новому перекрестку и останавливаемся. Как и везде, тускло горят эдисоновки¹. Прямо перед нами черное отверстие галлерей. Налево и направо тянутся штреки. Слева слышится

¹ Эдисоновка — электрическая угольная лампочка; названа по фамилии изобретателя — Эдисона.

шум от работы каких-то моторов. Справа, вдали, высоко под потолком горит огонь, и при его свете видна узкая пещера, в которой ходят силуэты рабочих.



— Вон, смотрите, товарищи, — обращается к нам тов. Котов, — там наверху под потолком бурильщики закладывают патроны с динамитом и через несколько минут начнут взрывать. Вы видите: они ходят по огромной куче уже взорванной соли. Вся эта куча весит добрую пару миллионов пудов. Мы заканчиваем этот штрек и скоро начнем его очищать.

Слава обращается к проводнику с вопросом.

— Скажите, почему потолок такой ровный и черный? Это от динамита?

— Нет, мы ведем разработку от пола на высоту 15—16 саженей, до особенно крепкого слоя соли; он имеет черный цвет. Этот черный слой во много раз крепче слоя разрабатываемой соли. И сила динамита откалывает белую соль всегда

18247

4459

18247

ровно, до черного слоя. Смотрите, товарищи, сейчас начнутся взрывы.

Наверху забежали черные силуэты. От костра замелькали искрящиеся факелы. Вот один за другим зажигаются фитили у стен. Фитили горят, вспыхивают звездочками, бросая тени причудливой формы на белые соляные стены. Быстро бегут рабочие, зажигая фитили. Было страшно за них: первые фитили уже догорали, и взрывы могли начаться. Но вот фигуры скрываются.

— Куда же они убежали?—с ноткой страха в голосе спрашивает Валюшка.

— Там есть ход в другую галерею.

В это время раздается первый взрыв. Здесь, под землей, взрывы оглушительней и громче стрельбы из пушек. Эхо громадных галлерей делает силу звука еще сильнее.

Мы стоим на расстоянии 200 — 300 саженей от места взрывов. Взрывы сыпятся часто, как горох; рвутся два—три заряда вместе; стоит грохот. За каждым взрывом слышно, как сыплется отколотая соль. К сожалению, костер

гаснет, засыпанный обломками соли, и мы видим только две глыбы, сорвавшиеся со стены и с грохотом рассыпавшиеся по склону соляной горы.

Взрывы продолжают не более десяти минут. Ребята стоят, как завороченные, испуганные грандиозной картиной. Среди тьмы блестит огненный сноп, и затем раздается грохот. И когда затихает последний удар, еще долго гудит эхо в растревоженных галлереях, повторяя взрыв десятки раз.

— Ну, как, ребята? — спрашиваю я своих друзей.

Молчат. Только Катюшка отнимает палец от уха и произносит шопотом:

— Страшно.

Но затихли взрывы, и снова резко гудит вагонщик, требуя пути своему «поезду».

— Теперь что? — спрашивает Вовка. Он все время молчал и только после грохота задал свой первый вопрос.

— Теперь это будет очистительный штрек, — отвечает наш проводник. — Сверху раскидывальщики начнут спускать

глыбы, разбойщики начнут разбивать очень крупные, некоторые, может быть, придется снова рвать динамитом на части и потом грузить на вагончики.

— А большие глыбы бывают?—спрашивает Катюшка.

— Да, до тысячи и больше пудов. У нас где-то есть, как редкость, глыба в 5.000 пудов. Видите, откалываются разные.

Мы присаживаемся на валяющиеся балки и вагончики.

— Пойдемте в подготовительный,— говорит тов. Котов.

— Это что еще за подготовительный?

— Когда мы начинаем новый штрек, то перед нами стена каменной соли. В ней надо пробить отверстие, чтобы можно было вести работу, пробираясь постепенно кверху. Впрочем, увидите сами.

Мы идем влево по штреку, заворачиваем и попадаем в низкий коридор, идущий в сторону. Потолок его можно достать рукой. Вдоль стены вьется толстый электрический провод.

На пути попадают ровные, круглые, похожие на бочки куски соли. Еще

пятнадцать саженей, и перед нами комната, не выше коридора.

— Вот подготовительный.

Несколько рабочих стоят у машины. В стене высверлены ровные круглые отверстия. Барабан машины с визгом врезывается в толщу соли. Гудит мотор. Горят ярким светом лампы.

6. КАК РАБОТАЮТ В ПОДГОТОВИ- ТЕЛЬНОМ

— Стену начинают разрабатывать с помощью врубовых машин. Таковую машину вы видите перед собой,—объясняет Котов.—Электрической силой барабан врубовой машины приводится в действие и высверливает глыбы соли, формой похожие на бочонки, один около другого. Соляные бочонки вынимаются, и барабан врубается все глубже и глубже. Посмотрите на потолок: он весь ровно выпилен полукругами. Врубовые машины выедают целую пещеру, а потом уже начинают разрушать стену соли дина-

митом. Штрек подготавливается для разработки, вот он и называется подготовительным. Давайте, осмотрим внимательно устройство машины. Оно очень простое.

В это время рабочие останавливают машину и очищают барабан от мелкой соли, точно такой, которой мы ежедневно солим свой обед. Ребята подходят ближе. Вовка рисует общий вид машины.

Врубовая машина состоит из электрического мотора, стоящего на раме и коротким ремнем соединенного со шкивом. Шкив сидит на длинной оси, на одном из концов которой помещается барабан, другой же конец нарезан винтовой резьбой и ходит в большой гайке, укрепленной неподвижно на раме. Рама укрепляется неподвижно, упираясь в пол и потолок штрека. Когда пускают мотор, барабан быстро вертится, всверливаясь в толщу соли, а винтовая нарезка оси медленно подвигает его вперед.

— Как же вы отламываете эти бочки?—обращается Катюшка к одному из рабочих.

— А вот, в пространство между бочкой и стеной вставляем лом и нажимаем в сторону,—бочка легко откалывается от стены. Потом ее вынимаем, разбиваем ломом же на мелкие куски и грузим в вагончики.

Мы стоим еще несколько минут, смотрим, как врубовую машину передвинули вправо и она начинает сверлить новую бочку.

— Пойдемте. Тут рядом вы увидите следующий этап подготовительных работ,—зовет нас тов. Котов.

Мы выходим из штрека, где работает врубовая машина, и снова пробираемся низким коридором. Два поворота, и мы выходим в тупик.

— Вот здесь врубовая машина подготовила штрек, и уже начались взрывные работы.

У стены стоят двое рабочих. Один из них держит в руках какой-то аппарат с трубой, направленной в толщу соли.

— Пускай,—кричит рабочий, и мотор загудел.

Оказывается, они сверлят отверстия для закладки патронов с динамитом.

Сверлильный аппарат состоит из маленького электрического моторчика и длинной трубы со сверлом. К моторчику приделана ручка, и весь аппарат напоминает громадный револьвер. Провод, соединяющий мотор с магистралью¹, дополняет это сходство, напоминая шнурок от нагана. Ребята так и прозвали аппарат «револьвером».

Рабочий нажимает на ручку, вдавливая сверло в соль.

— Как глубоко надо сверлить? — задаю я вопрос.

— Здесь, в подготовительной, не глубоко: пять — шесть четвертей, а в разрабатываемой сверлим на семь и восемь четвертей.

Бурильщики кончили сверлить. Вынимают сверло и приставляют к новому месту. Они сверлят дыры в стене и потолке, соблюдая определенный порядок.

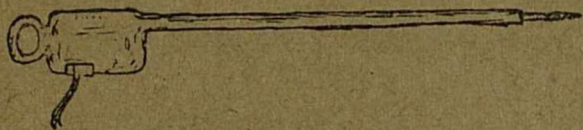
¹ Магистраль — главная линия, в данном случае электрического кабеля.

Вовка заинтересовался. Подходит ближе.

Почему приходится сверлить в таком порядке?

Тов. Котов отводит нас в сторону и показывает на часть стены с высверленными дырами.

— Динамит имеет известную силу и не может разрушить слишком большие



Электрический бур, высверливающий гнезда для патронов

и крепкие части соляного пласта. Поэтому приходится облегчать ему работу определенным расположением зарядов.

— Пойдемте сюда, — он ведет нас в сторону от тупика. — Вот здесь в высверленные дыры уже вставляют заряды.

Мы подходим. Рабочие берут патроны динамита, вставляют в один их конец фитиль и палкой заколачивают патроны

в дыры. Фитили висят наружу. Рабочие завязывают их петлей, берут свободный конец и разрезают его ножом так, чтобы изнутри сыпался порох.

Ребята подняли желтую этикетку от патронов и читают:

Гризутин «Ж»

— Что такое гризутин?—спрашивает Катюшка.

— Это такой сорт динамита,—отвечает тов. Котов.

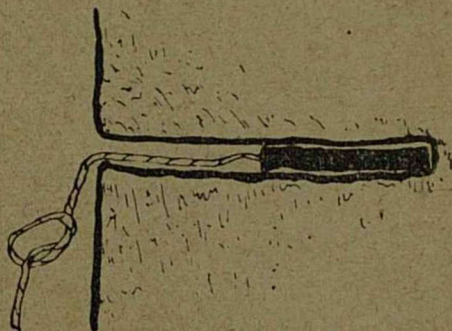
— А чем начинен фитиль?

— Мы их не фитилем называем, а затравкой. Вот посмотрите.—Тов. Котов берет из ящика кусок затравки и показывает нам.

Это шнур, толщиной с обыкновенный карандаш, черного цвета, с обмотанной вокруг липкой изоляции белой ниткой. Мы разрезаем один из концов. Оказывается, что шнур состоит из нескольких слоев изолирующей материи, пропитанной резиной, а внутри узкого канала насыпан порох. Благодаря

плотности обмотки порох горит медленно и совершенно одинаково. Это особенно важно, так как нужно, чтобы взрыв последовал не раньше пяти минут после того, как будет зажжен свободный конец затравки.

Рабочие кончили начинку дыр динамитными патронами. С потолка и из стен торчат и висят длинные и черные хвосты затравок. Последний заряд забит. Рабочие убирают



Вот как закладывают патроны

остатки патронов и шнура в ящики и несут к выходу из галлерей, сматывают длинный провод, валявшийся на полу. Ребята вызываются помогать. Рабочие улыбаются, дают каждому по поручению. Надо унести лестницу, собрать лопаты, откатить вагончики и скатать разбросанные электрические провода.

— Что сейчас будет?—спрашивает Валушка, прибежавшая с раскрасневшимся лицом.

— Будут взрывать патроны, которые заложили,—улыбается тов. Котов.

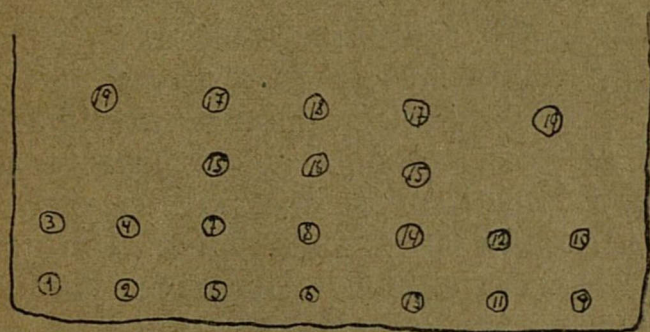
Двое рабочих берут пачки затравок и зажигают их бензинной зажигалкой. Факелы ярко вспыхивают.

— Ну, товарищи, теперь к выходу, а как скажем, то выходите в большую галлерею,—обращается к нам один из рабочих и с этими словами направляется к затравкам. Оба рабочих быстро поджигают фитили, перебегая от одного к другому.

— Почему они не подряд зажигают?—задает вопрос Слава...

— Я уже говорил вам о расположении отверстий. Расположение зарядов и порядок их взрывания имеет свое значение. Вон видите, где начали зажигать и где зажигают сейчас. Это нужно для того, чтобы разрушение стены было полное. Если зажечь сначала в середине, то взрыв не сможет отломить весь

кусок соли. Если же зажигать в таком порядке, как здесь, то взорвавшийся на углу патрон отломит часть и поможет легче справиться второму, второй—третьему и т. д. Если не отколется кусок ближе к краю, то дальний патрон будет бессилен.



Порядок взрывания патронов

Тут и сверлят в потолке, например, так: два заряда не глубоко, а третий между ними глубоко, первые два вырвут наружный, а третий—следующий за ним слой и т. д.

Затравки горят десятками огоньков. Проходят две—три минуты. Мы взволно-

ванно глядим на рабочих, зажигающих фитили. Вдруг взорвется?

Но те спокойно делают свое дело, перебегая от угла к углу. Даже на полу горят фитили.

— Это для того, чтобы выровнять пол,—поясняет нам бурильщик.

Но вот и последние затравки зажжены. Мы двигаемся к выходу в галерею, толпимся у входа в штрек.

— Отойдите в сторону,—обращается к нам тов. Котов,—из штрека может выбросить обломки, бывают случаи.

Отходим и ждем. Тихо. Слышно, как бьется сердце. Проходит минута томительного ожидания.

Вдруг грохнул взрыв. Еще несколько секунд. Второй, третий и наконец один за другим, догоняя и опережая друг друга, грохочут взрывы.

Мы стоим рядом, в каких-нибудь десяти саженях от рокочущей силы, отделенные от нее только массивной соляной стеной. Среди грохота взрывов раздается один особенно сильный; кажется, вот-вот развалится гигантская стена.

— Что это?—испуганно спрашивает
Валюшка.

— Это рвется вылетевший заряд.
Бывает, что первый заряд разрушит
стену и освободит ряд зарядов, тогда
они вываливаются и рвутся свободно;
такие всегда дают звук громче.

Все рокошет от взрывов, падает дождь
соляных обломков. Ребята стоят, напря-
женно вслушиваясь в звуки. Рабочие
спокойно сидят и курят.

Взрывы затихают на секунду, потом
гремят вновь. Но заряды кончились,
и все стихает. Странной кажется насту-
пившая тишина. Ребята хотят войти
в штрек посмотреть, что сделалось со
стенами. Но их останавливают.

— Нельзя туда. Там ужасный дым,
да и отсюда пойдете: сейчас газы
начнут расходиться.

Мы двигаемся обратно к главному
ходу. Ребята молчат, они подавлены
грандиозностью силы, которая ворочает
огромными глыбами, как игрушками.

7. ПРОГУЛКА НА ГЛУБИНЕ 60 САЖЕНЕЙ

Мы идем вдоль длинных галлерей, между грандиозных соляных стен, напоминающих нам дома. В этих переплетающихся галлереях можно заблудиться. Ребята совершенно освоились с обстановкой и бегают, собирая интересные куски соли. Валюшка нашла кусок затравки и очень довольна.

Проходим еще два поворота и натываемся на группу рабочих, расположившихся за столом и уничтожающих свой несложный завтрак.

— А-а, экскурсанты!..—приветствует нас один из сидящих.—Присаживайтесь с нами чайку попить.

Мы подходим к столу. Ребята рассматривают присутствующих. Я разговаривался со стариком-рабочим, он спрашивает меня о Москве, о нашей жизни.

— Расскажите нам, товарищ, о чем-нибудь интересном в жизни вашей шахты. Как шла у вас тут гражданская война?—прошу я.

— Ладно, расскажу...

Ребята сгруппировались вокруг.

— Вот был у нас тут случай с двумя бандитами. Ловили, ловили их там, на земле, а они, спасаясь, ночью забрались в шахту. Как потом оказалось, они давно когда-то работали здесь. Сюда ведет ход из старой, заброшенной шахты. Когда вы проходили сюда, к зданию рудника, вы видали трубу там, за забором?

— Видали!

— Ну, так около той трубы есть лестница в старую шахту. Она сейчас там над нами.

Старик показал рукой в сторону и наверх.

— Вот по ней они и забрались. Там никто не работает сейчас, свету нет. Жили, наверное, дня два. На земле и след их простыл, искать бросили. А у нас никто их не видел. Только вот, как сейчас, на столе мы всегда оставляем свой завтрак — хлеб там, колбасу, еще что. Приходим раз, а хлеба кой у кого нет. Ну, мы думали: из вагончиков кто. На другой день опять. Стал пропадать

завтрак то у одного, то у другого. А это было в голодные годы; не как теперь, каждой коркой хлеба дорожили. Мы стали следить, да как-то и видим: чужой человек к столу пробирается, хватать—и бежать. Мы за ним: Стой! — кричим, а он бежит.

— Ну, тут, значит, думаем мы, уж не бандит какой к нам забрался. Заявили начальству. Те приказали обыскать шахты. Стали смотреть. Обход сделали, ну и напали на их след. Их двое оказалось. Увидали, что идут, — бежать. Мы их к тупику приперли. С нами милиционер был, он и кричит им:

— Сдавайтесь! — а бандит в ответ выстрелил. Значит, оружие у них было. Мы отступаем. Боязно, пулю всадить может. Милиционер стал стрелять. Ранил одного. Ну, взяли тогда. А другой убежал. Дня два еще по шахте скитался, хотел выбраться, да его чуть-чуть у входа не взяли.

Внизу еще шахта есть, ниже этой на шестьдесят саженей, от земли—сто

семнадцать саженой. В ней тоже не работают.

Этот второй бандит своровал хлеб и хотел бежать, но наткнулся на группу наших рабочих. Те за ним. Он бежал, бежал, забежал к нижнему стволу. Темно там, не знаю как, может, сам бросился, только упал в этот колодец. Потом уж его достали. Расшибся парень вдребезги.

— Скажите, а во время гражданской войны вы не прятались в шахту?

— Ну, конечно, прятались от стрельбы. Это вам вон Федя расскажет, он у нас военный был.

Валя, тронув за руку рабочего, спрашивает.

— Дядя, а когда вы рвете соль, ведь может убить?

Старик улыбается, поворачивается в сторону Вали и говорит.

— Вот что, дочка, всяко бывает: когда рвут, то все уходят, а вот когда спускальщики работают, то, верно, и помереть нетрудно. Был у нас тут случай: нарвали мы штрек, начали спускать, а глыбы попадают большие. Гора

наверотится, а где-нибудь глыба застрянет, начнешь спускать—вся масса рекой и потечет. Вот опасно-то где. Раз как-то Василий Куркин спускал, скидывал соль. Вдруг вся гора поехала, он не смог удержаться и поехал вместе с солью, обогнал глыбу пудов в 500, чуть до полу не доехал, остановился. Ноги ему и прижало глыбой. Лежит вниз головой, стонет. Больно, но не так, чтобы очень опасно. Главное, вынуть его нельзя: начнешь тянуть, глыба поедет и его и тех, что тянут, раздавит. Прибежали мы, стали думать, как быть. Глыбу никак не удержишь. Решили: была не была,—что так парень погибнет, что тащить будем; а может, вытащим. Ухватились за голову, да как дернем... Выташили, глыба не двинулась. Ноги, конечно, содрали. Одна нога ничего, из сапога вышла, а сапог под глыбой остался. В больнице отлежался, здоров стал. А как страшно-то было, когда тащили. Человека жалко.

Бывает — ранит глыба вагонщиков, упадет на ногу. Или вот еще случай был. Грузили в вагончики, одна глыба

поперек легла. Ну, думаем—не важно. А когда ехал вагончик,—у нас в одном месте дорога близко около стены проходит,—этой глыбой одному рабочему чуть спину не сломало: шел мимо, лошадь быстро бежит, он попал между стеной и вагоном в узком месте, ну и шарахнуло. Думали—не выживет.

Где-то зазвонил колокол.

— Это что значит? — спрашивает Вовка.

— Значит пора кончать чаевничать, работать надо.

Мы благодарим старика за рассказы и идем. Катюшка напоминает нам.

— Ребята, а он говорил: Федор расскажет про гражданскую войну.

Я подхожу к Федору.

— Скажите, как вас найти наверху?

— Да я лучше сам к вам приду. Вы где стали?

— В школе.

— Ну и ладно, вечером буду.

Ребята довольны. Мы направляемся к выходу.

8. КОНЮШНЯ... И НАВЕРХ

Почти у самого ствола нас догоняет отставший тов. Котов.

— Товарищи, пойдёмте, конюшню посмотрим.

Валюшка кричит:

— Да, да! Надо посмотреть лошадей.

Мы поворачиваем в проход и выходим в соседнюю галерею. Полумрак, пахнет сеном и навозом. В стойлах стоят три лошади, остальные на работе. Конюшня построена у стены. В углу короткой галереи свалена гора сена.

Ребята обходят стойла и читают.

«Керзон», «Антанта», «Резвый».

Старые имена дополнились новыми, выдвинутыми революцией.

— Почему «Керзоном» назвали? — задает вопрос Вовка вошедшему навстречу конюху. — Сердитый, что ли, конь?

— Да-а... с норовом, — спокойно отвечает конюх.

— Им, бедным, скучно здесь без травы и света?

— Конечно, скучно, да ничего не поделаешь. Чувствуют они себя здесь хорошо. На воле столько овса не получают.

— А сколько лет вы их тут держите?

— Да сколько проживут. Вот недавно одну по старости подняли наверх. Пятнадцать лет здесь прожила. Есть и три года живут, и восемь, разное...

Мы прощаемся с конюхом и вместе с тов. Котовым выходим к подъемнику.

— Ну, что же, наверх поедете? — обращается он к нам.

Ребята шепчутся.

— Вы что, друзья? — перебиваю я их.

Славка, взглянув вопросительно на тов. Котова, говорит:

— А что, еще раз сюда можно будет спуститься?

— Конечно, можно, отчего же, — отвечает тот,

— А то мы проголодались, а посмотреть еще хочется, — открывает секрет Валюшка.

— Ну, поедемте. Товарищ Глушенко, поднимите нас,—обращается к рабочему у подъемника Котов.

В это время опускается кабинка с пустым вагончиком, его выкатывают, открыв перекладину.

— Входите,—говорит рабочий у машины. Он дергает два раза за рычаг, мы встаем на пол вагончика.

Дернуло, рвануло, и мы быстро понеслись кверху. От быстрого движения вверх и перемены давления воздуха заложило уши. Кажется, что на барабанные перепонки кто-то давит пальцами. Глаза в абсолютной тьме расширились до боли, но вот блеснул луч, и мы вылетаем на поверхность. Мелькает первый этаж, и кабинка останавливается. Звякает дверь, открывается запор, а мы всё стоим оглушенные.

— Выходите! — улыбаясь говорит Котов, подталкивая Катюшку.

Мы выходим. В этот момент поднимается вторая кабинка. Ребята стоят придавленные. Глаза сузились от света,

нам кажется, что чересчур светло, а на самом деле, пока мы были внизу под землей, набежали тучки и пошел дождь.

9. ХОТИМ ЕСТЬ, А ПОТОМ СМОТРЕТЬ

— Пройдемте, посмотрим мельницу,— обращается к нам тов. Котов.

Ребята стоят в нерешительности. Итти сейчас или после обеда. Все стоят и смотрят, как выталкивают вагончики из подъемных кабин и по рельсам катят в коридор.

— Пойдемте обедать,— тихо говорит мне Валюшка, тронув за руку.

— Да, ребяташки, давайте сначала пообедаем, а потом уже осмотрим остальное,— обращаюсь я к моим друзьям.

— Верно, мы хотим есть и потом смотреть,— торжественно объявляет Славка.— Пошли, что ли,— зовет он нас.

Мы прощаемся с тов. Котовым и говорим, что придем сюда часа через два. Котов отвечает.

— Ну, уже здесь вам проводника не нужно, спросите у рабочих, что не будет понятно. Прощайте.

— Спасибо, товарищ Котов! Спасибо! — гудят ребята.

Мы быстро сбегает со второго этажа и направляемся к школе.

Обед проходит бурно. Все наперебой кричат через стол.

— А помнишь, как рвались?

— Видел, как всверливалась?..

— Ребята, ребята, помните... — И так далее.

Когда мы заканчиваем сочные красные кавуны (арбузы), входит в класс, где мы помещались, местный комсомолец.

— Здорово, ребята! — приветствует он нас. — Я узнал случайно, что приехали московские пионеры. Мне в шахткоме сказали. Надо вам с нашими поближе познакомиться. У нас не больно хорошо дела идут.

Вошедший оказывается вожатым местного отряда пионеров и подсаживается к нам.

— Вот что, дружка, — говорю я ему, — мы писали сюда, к вам в ячейку и в пионеротряд, но ответа не получили. Почему это получилось, не будем раска-

пывать. Нам пришлось писать в школу. От школы мы получили ответ скоро, со школой списались и приехали. По правде говоря, мы думали, что пионеротряда здесь нет. Познакомиться же с вашими ребятами мы, конечно, хотим и хотим им помочь чем можем. Давай, организуй встречу, собери свой отряд — мы будем знакомиться.

Тут же решаем, что вечером соберутся в школу местные пионеры, и мы устроим вечер смычки. К нам должен прийти тов. Федор — рассказать о гражданской войне, и эту беседу мы решили сделать общей.

После обеда мы вместе с Костей Буженко — так звали вожатого — выходим из школы. Погода прояснилась, но ветер дует с прежней силой. Мы направляемся снова к руднику.

Снова прошли к подъемнику, чтобы проследить путь глыбы на поверхности земли.

Вагончик, поднятый с глубины 60 саженей, рабочие выталкивают из кабинки и, поставив на рельсы, катят по коридору,

висящему на высоте 2-го этажа и соединяющему здание подъемника с зданием мельницы.

Мы идем за рабочим, толкающим вагончик. Рельсы из коридора ведут направо, к большому металлическому обручу. Вагончик вкатывается в вращающийся обруч, запирается перекладной и вместе с ним перевортывается вверх колесами. Все соляные глыбы высыпаются в большую воронку, дно которой двигается, приводимое в движение электричеством. Соль растрясается и посредством рукава передается на мельницу. Там жернова растирают ее в порошок. Бесконечная лента с ковшами забирает соль с мельницы и тащит наверх, опрокидывая в жолоб, по которому она сыпается прямо в вагон.

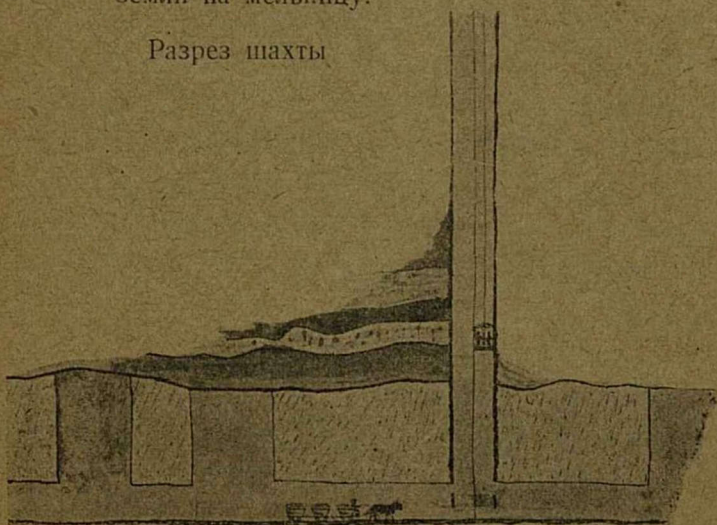
Рабочие говорят, что мельница промалывает в один час тысячу пятьсот пудов соли.

Мы ходим по мельнице среди стука машин и шелеста приводных ремней. Кругом сыплется соль. Все стены, машины, пол и потолок покрыты толстым слоем



Путь соли из-под
земли на мельницу.

Разрез шахты



соляной пыли. Руки от прикосновения к перилам становятся липкими. Проходим по мельнице и выходим на платформу. Здесь стоят ряды вагонов. Некоторые из них моют струей горячей воды, обливая из пожарного рукава. В чистые вагоны через небольшие люки, обычно запертые черной металлической доской, сыплется соль. Полный вагон, взявший тысячу пудов соли, отводится на свободный путь парой меланхолических волов.

Постромками, идущими от деревянного ярма, волов привязывают к крючку вагона, и они медленно тянут его за собой на отведенное место, куда вечером должен прибежать паровоз, забрать тридцать—сорок таких вагонов и потащить их за тысячу верст: в Москву, в Ленинград, в Астрахань и другие города.

Там эту соль разгрузят, насыпят в мешки, положат на грузовики, ломовики и повезут на склады, в магазины, на фабрики, на пристани. Из мешков она попадает к вам на стол, на фабрики,

где из нее будут добывать химическим путем соду, хлор, нашатырный спирт, прибавлять в мыло, употреблять при приготовлении табака * и минеральных вод. На рыбалках ею будут солить рыбу, в хладобойнях — мясо, в Госмолоке — масло.

На металлургических заводах соль пойдет для обжигания руды и приготовления алюминия. Много всяких вещей, необходимых человеку, делается из соли.

Мы выходим за забор, окружающий рудник, и направляемся к школе.

— Что это там? Смотри! — обращается ко мне Валя, показывая на землянку, над которой возвышается мачта.

Мы решили подойти и узнать, что это за сооружение. Вовка авторитетно заявляет: — Это радио. — Но когда подошли поближе, мы увидели, что нет антенны. Вдруг нас останавливает крик часового.

— Товарищи, сюда нельзя!

— Скажите, что тут помещается? — задаю я вопрос часовому.

— Динамитный склад рудника, — отвечает часовой.

Теперь стало все ясно. Мачта служит громоотводом. Пока мы осматривали мельницу и ходили к складу динамита, начало темнеть. Приближается вечер. Ветер дует попрежнему резкими порывами. Стайки ворон висят в воздухе, паря против ветра. Новый порыв сдувает их в сторону, и, усиленно махая крыльями, они медленно продолжают свой полет.

Когда мы снова подходим к школе, в окнах уже мелькают огоньки.

10. ВЕЧЕР В ШКОЛЕ

Вперед заре навстречу,
Товарищи, в борьбе
Штыками и картечью
Проложим путь себе...

Встречают нас слова песни, когда мы, отворив дверь, входим в школу. Местные пионеры уже собрались и, дожидаясь нас, распевают «Молодую Гвардию».

— Ребята, тише! Вот московские пионеры!—кричит кто-то, когда мы появляемся в дверях.

— Будь готов!—приветствую я рудничных ребят.

— Всегда готов!—дружно отвечают они, а с ними, по привычке, и мои московские друзья.

В комнате младшей группы, где мы собрались, поднимается шум. Ребята галдят и наперебой задают Вовке и Славе вопросы; Валя и Катя забились в угол и о чем-то тихо говорят.

Костя Буженко свистит, призывая ребят к порядку, и, когда немножко стихает, громко начинает говорить:

— Ребята! К нам приехали московские пионеры, мы должны познакомиться с ними поближе и установить тесную связь. Они опытнее нас, у них лучше ведется работа, мы кой-чему должны у них поучиться. Сегодня мы устраиваем совместный вечер и беседу. Я призываю вас к порядку и предлагаю постараться поближе познакомиться с нашими товарищами из центра. Товарищ,—обращается

он ко мне,—вы расскажите нам, как живут и работают московские пионеры.

Я сажусь и начинаю рассказывать о нашей московской жизни. Потом мы все поем «Молодую Гвардию». Катя коротко рассказывает, как ходила с отрядом в дом Советов прощаться с Ильичем. Во время катина рассказа входит Федор и садится в стороне. Как только мы кончаем свои разговоры, ребята вытаскивают на середину за рукавов. Федора. Его сажают на лавку, и он начинает тихо рассказывать нам о тяжелых годах гражданской войны на Украине.

— Здесь вот, через наши рудники, сколько раз прокатывались всякие отряды: и добрармия, и бандиты, и зеленые, и кого только не было...

Мы, рабочие рудников, не раз брались за винтовку, чтобы защищать наши заводы и рудники. Бывало так: Красная армия подтягивается медленно, а белые наступают... Вот и из города звонят на Краматорский гвоздильный завод:

«Подходят белые, надо дать отпор и организовать оборону».

Там сейчас же гудок.

Завком организует дружину, достает оружие, а в это время по телефону или с нарочным сообщают на рудники, что подмога нужна. Заревут гудки по всей нашей степи. Быстро собираются добровольцы, вооружаются и на подводах, а то и просто пешком, быстрым маршем — к Бахмуту.

Шли те, кому дорога была рабочая воля: и старики, вон наш Антипыч, и молодые. Идем по степи, глядим: из-за холмов люди показались. Наш командир команду дает.

— Ложись!

Легли, ждем. Винтовки приготовили. Только напрасна тревога была: это свои же, с другого рудника. Вскочили и быстрее к Бахмуту. Подошли, запели. Городские присоединились. Так часа два пробыли. Подходит поезд — белые. Выскакивают из вагонов, прямо к нашим.

— Бросай оружие!

А мы стрелять. Завязался бой на станции. Они пулеметы пустили в дело. Как застрочит: та-та-та-та... Ну, крышка. Наши падают, мы давай отступать. Выскочили из вокзала, перевели бой на улицы.

У белых много преимуществ. Хорошо вооружены и обучены. А наши стреляют не больно-то метко. Городские сообщили, что отряд кавалерии белых вошел в город. Мы отстреливаемся, отходим, а назад поглядываем. Я думал тогда: вот-вот из-за угла выскочат конные, рубить начнут.

Так и вышло. Налетели сзади, когда мы заняты были, и давай рубить. Много наших полегло. Мы, как горох, в подворотни рассыпались, текуем через заборы, сарай, по крышам.

Когда перебежали через улицу, откуда-то грянул выстрел, и наш командир Козенко упал. Я к нему подбегаю и еще наши бегут. Стали его поднимать. Застонал, открыл глаза, говорит:

— Бросьте, все равно погибать. Уходите, а то вас возьмут.—Мы его на руки

стали брать. Видим: бегут белые вдоль улицы. Козенко брыкнулся:

— Бросьте, говорю, сами пропадете.— Увидел у одного нашего бомбу-бутылку.

— Давай,—говорит,—и текай быстро.

Видим мы—дело плохо, с ним, раненным, не уйти. Бросили, дали бутылку. Сами в ворота, через забор—и на крышу. Видим: подбегают с погончиками, ногой его: «У, у, сволочь».

Подскакал на лошади командир. Их пятеро уже, наверное, собралось, а Козенко лежит на животе, руки поджал, голову отбросил, кровь бежит. Вдруг как оперся руками, да под лошадь бутылку швырнул так, что она в двух шагах от него жахнула. Сухо так: ррах! Всех в одну кучу с кровью смешала. Пулемет тут опять закудахтал. Мы попрыгали с крыши, видим—дело дрянь, стали пробираться к заставе.

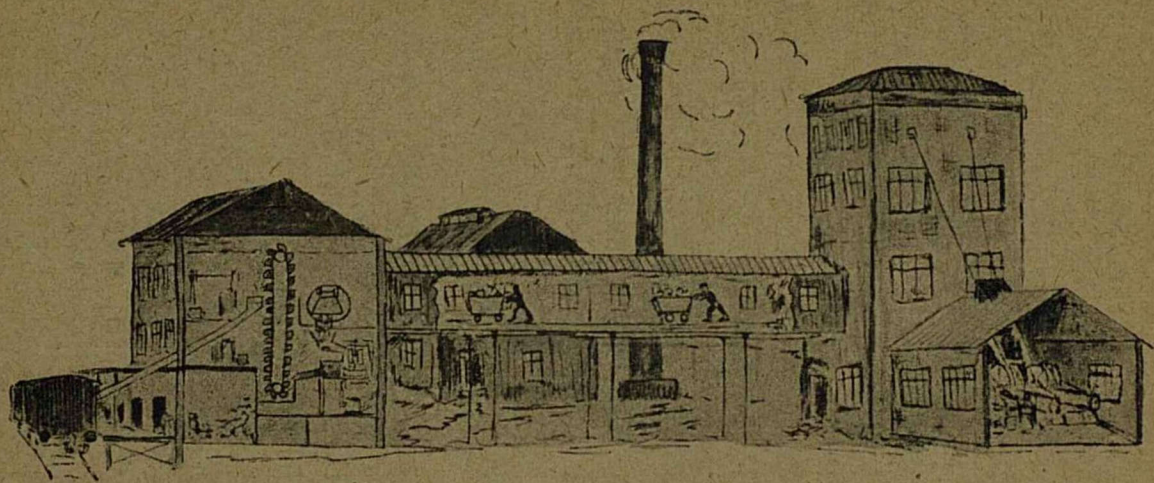
Ушли в степь, балкой пробрались подальше. На рудник пришли, винтовки спрятали. Дома узнали, что много осталось на улицах. Два дня прошли, у нас

белые орудовали. Вон с той стороны, от Харькова, орудия забахали. Над рудником летали снаряды. Потом разъезд буденовский прискакал. Белые сейчас же ушли, как стрелять из орудий стали. На соляную ветку бронепоезд пришел. Бой был. Много наших, и я с ними, присоединились к отряду Красной армии и вместе пошли брать Бахмут. Белых с треском выгнали. Только когда следующий разъезд брали, мне ихний командир с лошади плечо рассадил. Так и воевали...

Федор кончил, вытирает пот с разгоряченного лица и встает.

— Спасибо, товарищ, спасибо, товарищ Федор, — раздаются возгласы ребят. Костя смотрит на часы и говорит ребятам, что пора по домам.

Вожатые звеньев записывают московские адреса. Через пятнадцать минут все уходят. Мы, усталые, заваливаемся спать, и только из угла слышится хихиканье Кати с Валея, не могущих заснуть после шумного вечера.



Путь соли на земле, по мельнице и до вагона

11. ВТОРОЙ РАЗ ПОД ЗЕМЛЮ

Утром мы гуляем по холмам, ходим в деревню, в белые хаты, покупаем мелочи в кооперативе, а после обеда снова отправляемся на рудник.

Снова нас быстро спускают под землю. Теперь мы «бывалые», уже не удивляемся и храбро разгуливаем по галлереям. Один рабочий взялся нас провожать, и с ним мы идем в давно разработанные штреки.

В большом зале, в стороне, мы замечаем какое-то сооружение.

— Что это там?—спрашивает Валя.

— Это—деревянные мосты, ведущие в старую шахту над нами,—отвечает рабочий.

Ребята бегут к мостам, заходят за них. Вдруг Вовка кричит:

— Здесь какая-то фигура.

— А-а... Пойдемте, посмотрим,—обращается ко мне рабочий,—это тут у нас статуя генерала из соли.—Мы проходим за мосты, где вокруг соляной фигуры собрались уже все ребята.

— Это раньше был хозяин рудника, один генерал, так вот из соли его изображение сделали.

— У вас тут специалисты есть по высеканию из соли фигур, я в завкоме несколько предметов видел,—обращаюсь я к рабочему.

— Нет, какие специалисты. Плотник наш работает.

Ребята тыкают пальцами в фигуру, находят, что нос генерала отбит, и весело прыгают кругом, бегают, забираются на ступеньки мостов.

— Тут в зале рояль стоит,—говорит рабочий.—Здесь у нас концерты бывают. Зажгут факелы, лампы, свету много. Народу человек шестьсот набьется. Так на глубине 60 саженей под землей и музыку и пение слушаем. Когда приезжали заграничные гости, тоже тут праздник устраивали.

Мы оглядываемся кругом.

Противоположный конец зала тонет в темноте. Гигантские стены уходят в высь, мрачно смотрят отверстия входящих в зал галлерей.

Катя зовет меня, стоя у фонаря и внимательно рассматривая что-то.

— Смотри, розовая соль.

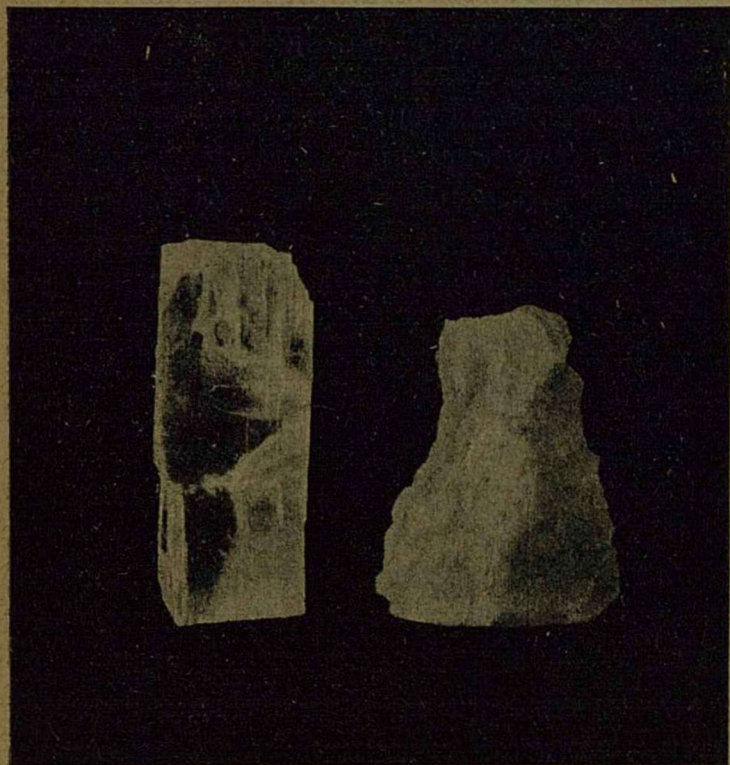
Я прошу рабочего объяснить причину, и он рассказывает нам:

— Та, верхняя, шахта с другой солью, чем здесь. Здесь она мелкими кристаллами, а там гладкая, пластами. И цветная попадает: и розовая, и желтая, и зеленоватая, и бурая... Только цвета зависят от примесей железа, глины... А гладкая и кристаллическая соль получилась в результате различных образований.

Мы присели на мостики, и он нам стал рассказывать:

— Соль эта, товарищи, образовалась миллионы лет назад, когда здесь было море и на этом месте находился глубокий морской залив. Нужны были особые условия, при которых вода постепенно испарялась под лучами солнца в проливе, отделяющем от моря залив, с очевидно, очень гладким дном. Климат тогда должен был быть сухим и теплым, в проливе образовался сильный раствор соли,

обычно находящейся в воде морей. Этот раствор, как более тяжелый, стекал в глу-



Гладкая и кристаллическая соль

бокое место залива, наслаиваясь в мощный пласт, как видите—в пятнадцать

саженной толщиной. В полученном растворе соль выделялась кристаллами. В образовавшейся залежи сверху всегда находился более жидкий, так называемый маточный, раствор, который при прибыли воды поднимался снизу и, распускаясь в воде, осаждал находящийся в ней гипс. Все эти процессы проходили в течение десятков столетий, и, чем дольше прибывала вода из моря, тем дольше осаждались гипс и ангидрид¹. Если залив отделится от моря, слишком обмелеет пролив или в результате землетрясений, тогда соль кристаллизуется поверх осадков гипса и ангидрида. Залежи изменяются под давлением, которое на них оказывают отлагающиеся верхние слои ила, разных пород. Среди последних чаще встречаются солончаковые глины, которые лежат над нами, ближе к поверхности земли.

Я наверху подарю вам куски гладкой соли, кристаллическую вы захватите отсюда, а дома у меня есть и цветные.

¹ Ангидрид—особый минерал белого цвета, встречающийся в соединениях гипса и соли.

— А почему же поверх этого слоя опять земля, потом снова соль?—задает Слава вопрос нашему лектору-рабочему.

— Очевидно, почему-нибудь осаждение прекратилось; может быть, изменился климат, тогда на слой соли осел ил. А потом снова вернулись прежние условия, и соль стала оседать, образуя материал для нашей верхней шахты.

Потом море мелело и ушло совсем, отодвинулось на 250—300 верст, к современным берегам Таврии и Крыма. Конечно, это сделалось не сразу, а, как я уже вам говорил, прошли миллионы лет, пока выросли эти 60 саженей. сейчас отделяющие нас от поверхности.

— Ребятки, подумайте, какая тяжесть висит над нами,—прерываю я нашего лектора.—А вся работа здесь стала возможной благодаря тысячам людей, которые трудились, изобретали и дали нам в руки орудия, машины и инструменты, чтобы вооружиться на поход под землю. Приходилось и приходится шаг за шагом отвоевывать у природы ее богатства.

А в войне с природой погибла масса рабочих, которые ценою своей гибели дали возможность следующим за ними продолжать биться и успешно завоевывать то, о чем они не могли и думать. Эти победы, в результате которых мы так свободно сидим здесь, глубоко под землей, должны всегда напоминать нам, что все начатое надо доводить до победного конца, а не бросать по дороге, как бы тяжело не было.

— Вот это вы, товарищ, верно сказали,—отвечает мне рабочий.

— Товарищ, расскажите нам, как нашли здесь соль, просит—Слава.

— Ладно, расскажу, отчего же не рассказать. У меня память хорошая, что я читал давно, я еще и теперь припоминаю. Где-то я вычитал, что еще в 1841 году французский ученый Ле Пле высказал предположение что в Бахмутском районе—здесь у нас—находятся богатые залежи соли.

Приехали французы, начали производить изыскания, и в 1870 году исследо-

вание почвы показало, что Ле-Пле был прав.

В 1876 году около деревни Брянцевки была заложена буровая скважина, которая наткнулась на первый пласт соли толщиной в 4 сажени, на глубине 40 саженей.

А на глубине 46 саженей нашли второй слой, толщиной в 17 саженей. Вот его-то мы и разрабатываем.

В 1879 году построили здесь первый солерудник, которого теперь нет. Шахта его теперь служит вторым выходом на поверхность для нашего рудника, построенного позднее и соединенного с первыми выработками. Признаки каменной соли в земле на поверхности проявляются так: во-первых, вода в колодцах горькая, с соленым привкусом. Местные крестьяне не замечают его, а вот приезжие первое время пить нашу воду не могут.

— Правда, правда, вода у вас не-важная,—сказала Валюшка.

— Ну, вот вы уже сами это заметили. Потом растут тут растения особые, солончаковые.

— Видели мы и эти цветы!—снова перебивает Валюшка рабочего.

— Так, по этим мелким признакам да и по предположениям ученых, что здесь было море, и решили попробовать, просверлили землю и нашли соль.

А теперь в нашем Бахмутском районе работают девять рудников, растянутых на протяжении 20 верст, и каждый оборудован мельницей.

В 1916 году мы здесь добыли 46 миллионов пудов соли, а в нынешнем добудем миллионов 25, но ведь нам война дело испортила, и работают только пять, вместо девяти, рудников. Наше месторождение соли — одно из самых больших в Европе. Да мы с вами тут засиделись, пойдемте!

Мы поднялись и пошли. Ребята на перегонки искали хорошие куски соли, чтобы взять их домой.

Вместе с сопровождающим нас товарищем мы поднялись наверх и пошли к нему.

Приближался вечер. Мы, уговоренные таким милым товарищем и его женой, остались пить с ними чай. Рабочий полез в комод, извлек книжку и прочел нам несколько выдержек о значении соли.

Среди них он привел нам одну о потреблении соли как приправы, и я привожу ее целиком.

«Потребность в соли, как необходимой приправе в пище, неодинакова во всех странах. В Испании каждый житель употребляет 4,75 килограмм, во Франции—5,2, Италии—6,25, Австрии—7,7, России—8,5. Англии—12,5, Америке—15, Германии—15, Португалии—15,25. В среднем человек употребляет от 7 до 8 кило в год».

Ребятки весело смеялись, говоря, что португальцы самый соленый народ в мире. Дружески распрощавшись с гостепри-

имной семьей рабочего, мы бегом бежали до школы, где нас ждал ужин: нам не хотелось огорчать так заботящуюся о нас учительницу. Славка, Катюшка и Валька притащили по несколько фунтов разных кусков соли, собранных в шахте и подаренных рабочими.

Во время ужина снова зашел Костя Буженко. Мы договорились с ним о связи его отряда с нашим московским и просили приехать в гости в Москву.

Он рассказал нам о культурной работе, которая проводилась на руднике после национализации, которая была проведена только в 1920 году, когда окончательно удалось укрепиться Советам на Украине. До национализации рудник принадлежал французам.

— Во время голода и разрухи Брянцевка работала не переставая, лишь меньше грузили из-за недостатка вагонов. В 1923 году рудник переименовался в 1-й Либкнехтовский, с этого же года началась культурная работа, открылась школа-семилетка, закрылась церковь, и в ней был устроен рабочий клуб. При

клубе ячейкой РЛКСМ и был организован отряд пионеров.

Ребята легли спать, а мы с Костей долго беседовали о работе отряда. Он решил остаться с нами в школе и утром проводить нас на станцию.

12. Д О М О Й

Рано утром, лишь чуть-чуть посветлел горизонт, нас разбудил хриплый звон старого будильника: ддрдрдрдрдрдрдрдрдрдр. Быстро вскочили и стали собираться, а утренний холодок лез под рубашки и делал нашу кожу похожей на гусиную. Несколько кружек молока и ломти вкусного домашнего хлеба дожидались нас на столе, приготовленные заботливой учительницей.

Несколько глотков, и, зажав в кармане ломти хлеба, с вскинутыми за плечи мешками, мы двинулись в обратный путь — домой.

— Славка! Ты помнишь, как ты тут спал? — смеялась Валюшка над приятелем, когда мы вышли на крыльцо.

— Бррр... холодно, — цедил Вовка, почувствовав утренний ветерок. Земля была твердая, и наши каблуки четко выбивали шаги.

— А здорово хорошо мы тут пожили, — звонко отчеканила Катюша.

— У-у, теперь мы спецы по соляным делам, годимся в сольтрест, — смеялся Славка.

— Ребятки, надо затянуть, чтоб шагать было бодрей, — предлагаю я, и мы дружно запели.

Вейтесь кострами,
Синие ночи,
Мы, пионеры —
Дети рабочих...

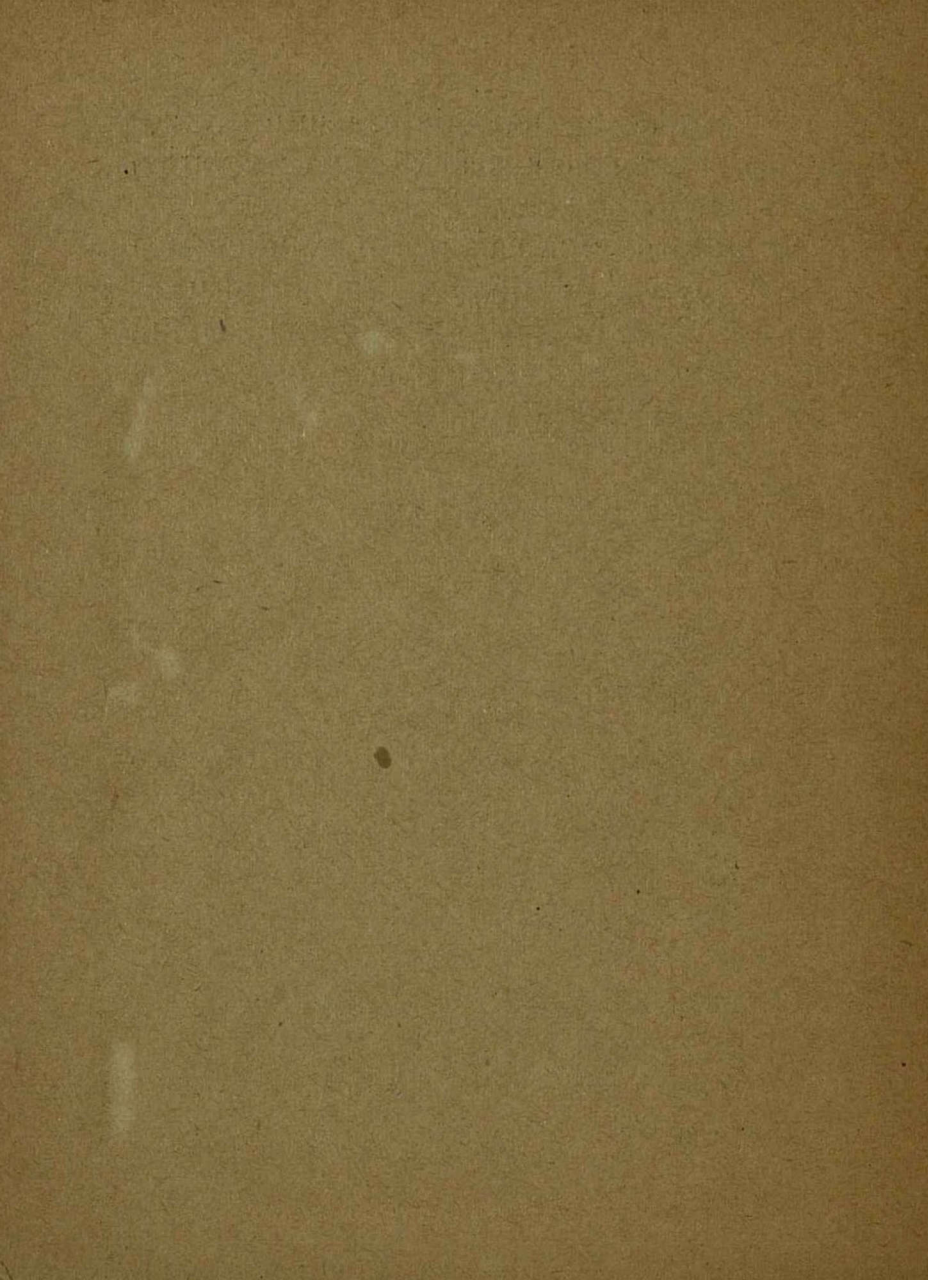
Через час, пройдя мимо сада с кипарисами и арбузной бахчей, где летом спели сахарные кавуны, мы стоим на станции Соль и ждем московского. Но вот показался и он, задымился, затарахтел на стрелках и стыках и гуднул.

Вагон обвеваает нас теплым и душным воздухом. Встречает храпом и торчащими сапогами. Девчата липнут к стеклу и стучат Косте на прощанье.

Но вот ревет паровоз и дергает резко вагоны. Поплыли назад будки, строения. Мы поехали.

Видны из окна вагона торчащие из-за холма трубы рудника. Они чуть-чуть дымятся. Там начинается трудовой день, и под землю спускаются рабочие.

Прощай, Соль.



ОГЛАВЛЕНИЕ

1. В Донбасс	3
2. В Соли	6
3. Как добывают соль	9
4. В шахте	12
5. На взрывах	17
6. Как работают в подготовительном	21
7. Прогулка на глубине 60 саженей	32
8. Конюшня и... наверх	38
9. Хотим есть, а потом смотреть	41
10. Вечер в школе	48
11. Второй раз под землю	56
12. Домой	67



МАГАЗИНЫ

„П И О Н Е Р“

МОСКВА,
Тверская ул., 37



ЛЕНИНГРАД,
Пр. 25-го Октября, 34

ВСЕ ДЛЯ ПИОНЕРОВ

ВСЕ ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

КНИГИ

БАРАБАНЫ

ГОРНЫ

ПИОНЕРСКИЕ КОСТЮМЫ

ГАЛСТУКИ

СВИСТКИ

ЗНАЧКИ

ИГРЫ

ФЛАЖКИ

СПОРТ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ



25 коп.

7908

80²



ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСАМ

МОСКВА — Новая пл., д. 6-8, „Молодая Гвардия“

ЛЕНИНГРАД — Проспект 25-го Октября, 54

ХАРЬКОВ — Троицкий пер., 2

РОСТОВ н/ДОНУ — Проспект Подбельского, 13